

Была уже глубокая ночь. В комнате горела лишь одна масляная лампа, её слабый свет освещал окружение. Юй Шанчжи полулежал у изголовья кровати, распущенные тёмные волосы свободно спадали на плечи. Хотя всё происходило в убогом крестьянском доме, от него исходило нечто возвышенное, утончённое, от чего невозможно было отвести взгляд.

В груди у лекаря У началась необъяснимая тревога.

— Это средство спасает жизнь, оно чрезвычайно ценное! Разве можно глядеть на него по первому требованию?!

Юй Шанчжи слегка приподнял бровь:

— Если вещь действительно стоящая — чего же бояться показать? Или... неужели твой «женьшень с горных склонов» вовсе подделка?

— Говорят, что человек на пороге смерти говорит лишь правду, — вспыхнул лекарь У, — а ты, мальчишка, ещё и в таком состоянии клеветешь на людей!

Вэнь Ецай следил за перепалкой, переводя взгляд с одного на другого. В глубине души у него зародилось подозрение. Высокий и широкоплечий, он шагнул вперёд, нависая над лекарем У:

— Ты сам говорил, что этот женьшень спасает жизнь. Просишь за него пятьдесят лян серебра, а я даже взглянуть на него не могу?

Лекарь У немного стушевался под его давлением, невольно отступил на шаг и фыркнул:

— Смотрите, раз так хотите. Всё равно вы в этом ничего не поймёте.

Сказав это, он открыл свою аптечную сумку, с особой осторожностью достал из самого нижнего ящичка небольшой деревянный ларец, поднёс к свету и открыл. Внутри действительно лежал женьшень — с полным корнем и тонкими усиками.

— Смотрите хорошенько, — с важным видом произнёс лекарь У. — Такой редкий корень... не стоит ли он пятидесяти лян серебра?

Вэнь Ецай взял ларец и аккуратно поднёс к Юй Шанчжи.

Тот склонился, внимательно понюхал женьшень, провёл пальцами по его поверхности, прощупал кожицу, прикинул длину, ширину и форму, после чего быстро отдернул руку.

На этот раз он не дал лекарю У вставить ни слова. Его голос прозвучал твёрдо и чётко:

— Цай-гер, советую тебе сразу выставить этого старого обманщика за дверь. И не дать ему ни медяка за приём.

Вэнь Ецай растерянно взглянул на Юй Шанчжи, потом на женьшень в коробке:

— Что, с женьшенем что-то не так?

Юй Шанчжи покачал головой, на губах заиграла лёгкая, насмешливая улыбка, словно он только что услышал очень глупую, но забавную шутку.

— Это, безусловно, дикий женьшень, — подтвердил он. — Но возраст его — всего пять лет.

— Пять? — Вэнь Ецай резко обернулся, уставившись на лекаря У. — Ты же только что уверял, что ему десять лет!

— Ах ты, подлый старый пройдоха! — Вэнь Ецай сжал кулаки. — Осмелился прийти в мой дом с такой ложью?!

Юй Шанчжи спокойно продолжил:

— И это ещё не всё. Говорят, женьшень начинает цвести только на третий год, плодоносит на пятый, и лишь шестилетний и старше имеет настоящую лекарственную ценность. Даже если опустить то, что он попытался выдать пятилетний корень за десятилетний, то даже сам этот пятилетний женьшень...

Он усмехнулся:

— Да эта штука... разве что чуть дороже редьки.

Лекарь У и подумать не мог, что его разоблачат прямо на месте. Усы на его лице задрожали от злости и страха, он хотел было оправдаться — но не успел.

Вэнь Ецай уже схватил из угла метлу и, не мешкая, занёс ее — явно собираясь проучить мошенника по-своему!

Пятьдесят лян серебра — на такие деньги простая крестьянская семья могла бы прожить несколько лет безбедно. А этот старый проходимец открыто пришёл их обмануть! Да если бы ему удалось — этого было бы достаточно, чтобы его арестовали и отправили гнить в тюрьму.

— Ах ты бессовестный старый лгун! — громко закричал Вэнь Ецай. — Всё село к тебе с уважением относилось, а ты что?! Воспользовался чужой бедой, чтобы деньги выманить!

Даван! Эрван! Живо, фас! Хватайте его!

Лекарь У испугался, сдался, и, пятясь к выходу, пустился наутёк, жалобно вопя и умоляя пощадить. Вэнь Ецай же не унимался — с метлой наперевес он гнал старика до самой улицы. Его крики и ругань постепенно стихали вдаль.

Спустя немного времени он вернулся — раскрасневшийся, с тяжёлым дыханием, в ярости швырнул метлу обратно в угол.

— Проклятый старый хрыч! Ещё хоть раз его тут увижу — за шиворот схвачу и лично отведу в ямен!

Он шумно опустился на своё место у кровати.

Только теперь, немного остыв, он начал осознавать: в порыве гнева он выгнал лекаря, даже не подумав, что Юй Шанчжи всё ещё болен. Бросив взгляд на его истощённое лицо, Вэнь Ецай снова нахмурился — теперь уже от тревоги.

— Я выгнал того старого проходимца, — проворчал Вэнь Ецай, хмурясь. — Но теперь что делать с твоей болезнью? Может, я схожу к дяде Сюю, попрошу у него воловью повозку и отвезу тебя в уезд к врачу?

После всей недавней сцены он уже твёрдо решил — обязательно вылечит Юй Шанчжи. А сейчас, при свете лампы, украдкой любясь красавцем, и вовсе чувствовал, как на душе становится всё светлее. Поначалу он думал просто: человек, за которого он заплатил серебро, стал его мужем — раз жив, как можно бросить его умирать?

Но после того, как разоблачили лекаря У, Вэнь Ецай понял: этот новоявленный муж — вовсе не обычный человек! В их деревне все были простыми крестьянами, ни читать, ни писать не умели — кто бы там мог отличить, сколько лет женьшеню, когда он цветёт, и когда может идти на лекарство? А этот — и по виду, и по речи — точно учёный: спокойный, рассудительный, говорит складно и уверенно.

Раньше он слышал от свахи Хуа, как та расхваливала Юй Шанчжи — мол, красив неописуемо, словно спустившийся с небес бессмертный, да и характер мягкий, благородный. Вэнь Ецай хоть и выслушал всё, но тогда не особо поверил — мало ли что болтали, лишь бы выгоднее выдать.

Но теперь, увидев всё собственными глазами, понял: сваха ни капли не преувеличила. Молодой лекарь действительно выглядел ослепительно — так, что стоило только взглянуть, и уже не отвести глаз. Такой красивый муж... пусть бы и просто сидел дома, на него даже молча смотреть — и то радость в сердце.

Вэнь Ецай понимал, что сам собой похвастаться не может — внешность у него, мягко говоря,

неказистая. Но если удастся родить от Юй Шанчжи пару-тройку детишек, чтобы те унаследовали от отца лицо и стать, продолжили род Вэнь — тогда...

Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался: даже если придётся выложить ещё несколько десятков лян на лечение Юй Шанчжи, он всё равно будет в выигрыше!

Пока он строил в голове планы на светлое будущее, позади него уже давно стояла Вэнь-эрню, внимательно наблюдавшая за Юй Шанчжи. Наконец, не выдержав мучившего её сомнения, она прямо озвучила вопрос:

— Брат Юй, а почему ты с самого начала только на угол одеяла смотришь? Почему не глянешь на моего старшего брата?

И с этими словами словно гром среди ясного неба обрушился на всех:

Юй Шанчжи... не видит!

Сначала он почти умер в день свадьбы, теперь едва откачали — и вот, оказалось, что он ещё и ослеп. Даже Вэнь-эрню, хоть и всегда отличалась живостью и весёлостью, теперь опустила плечи. Старшему брату с трудом удалось жениться на таком пригожем, но больном человеке, а теперь ещё и с глазами беда.

Красив-то он, конечно, красив... да только красотой сыт не будешь. Что толку?

Спустя примерно две чашки чая времени*, Вэнь Ецай уже сидел в главной комнате за старым деревянным столом вместе с братом и сестрой.

(ПП: чашка чая - примерно 10-15 минут)

Все трое — шесть глаз — уставились на два лекарственных рецепта, аккуратно разложенные на столешнице. Чернила ещё слегка блестели от недавней записи, а почерк, хоть и старающийся быть аккуратным, всё же выдавал руку ребёнка — черты неровные, линии колеблющиеся.

Вэнь-эрню с видом маленькой взрослой, подперев щеку, нахмурилась:

— Брат... а как думаешь, этому Юю... его рецептам можно верить?

Вэнь Ецай бросил на сестру укоризненный взгляд:

— Только что ещё звала его «брат Юй», а теперь уже — «этот Юй». Где почтение? Где уважение?

Вэнь-эрню недовольно скривилась и фыркнула:

— Он ведь даже официально в дом не вошёл. Как мне его называть? Ни то, ни сё.

Вэнь Ецай поднял один из рецептов, покрутил в руках. Одновременно проворчал:

— Пусть и не прошёл обряд, всё равно он — мой муж. Я за него выкуп заплатил. Не может же он теперь просто так сбежать?

Он снова перевернул лист, вглядываясь, но, не умея читать, ничего так и не понял. Однако в голове уже всюю шли расчёты и догадки.

Эти два рецепта были только что продиктованы Юй Шанчжи — а записывал Вэнь-санъя*.

(ПП: санъя - «третий ребенок»)

После того как шарлатан лекарь У был с позором выгнан, а потом ещё и выяснилось, что Юй Шанчжи ослеп, Вэнь Ецай на время впал в панику: то предлагал везти его к врачу в уезд, то вовсе говорил, что лучше сразу ехать в самую префектуру. После истории с обманом он теперь боялся каждого нового лекаря — вдруг снова нарвутся на жулика?

Но не успел он заговорить о дороге, как Юй Шанчжи уверенно заявил:

— Зачем искать какого-то лекаря? Я сам — врач. Даже если поехать в уезд, тамошние врачи вряд ли окажутся сильнее меня.

Эти слова были сказаны не из бахвальства, а с полной уверенностью. Юй Шанчжи в прошлой жизни родился в старинной семье, веками передающей знания традиционной китайской медицины. Начиная с прадеда, из поколения в поколение семья Юй была признанными мастерами и авторитетами в своей области.

Сам он с детства считался вундеркиндом семьи: в три года выучил иероглифы, в пять начал постигать основы медицины, а в восемнадцать уже получил исключительное право вести приём в семейной клинике — став самым молодым практикующим врачом за всю историю семейной династии Юй.

За несколько лет практики Юй Шанчжи вылечил столько редких и сложных болезней, что их не перечислить, а шёлковые знамена с благодарностями пациентов украшали целые комнаты. Если бы всё шло своим чередом, то следующим наследником семьи Юй несомненно стал бы именно он.

Но теперь... всё это осталось в прошлом, как пыль от прошлой жизни.

Слова, которые он произнёс — пусть и полные уверенности в себе, пусть и сказанные с полным на то правом — в нынешних обстоятельствах звучали уж слишком надменно. Ведь теперешний Юй Шанчжи — это всего лишь девятнадцатилетний парень, худой, бледный, на вид вовсе юнец. С такими внешними данными — даже если бы он сел за приём, вряд ли кто-нибудь посмел бы прийти к нему лечиться.

Поэтому, когда он договорил, в ответ повисла гнетущая тишина. Никто не стал спорить — но и веры особой его словам не выразил. Юй Шанчжи не стал ничего объяснять, не стал уговаривать — лишь попросил Вэнь Ецай завтра сходить и принести нужные травы по рецепту.

Он сам теперь не видел, а значит — не мог ни записать, ни прочитать рецепт. К счастью, у Вэнь Ецай был младший брат — Вэнь-санъя, способный и смыслённый мальчишка. Тот с рождения был болезненным и словно вырос в отваре из лекарств. Но за последние пару лет окреп, даже успел немного поучиться в деревенской школе — читать и писать умел.

Вэнь Ецай сразу же велел сестре сходить за Вэнь-санъя и принести с собой бумагу, тушь и кисть.

Вэнь-санъя в тот день поначалу не участвовал в свадебных делах — старший брат, зная о его слабом здоровье, специально оставил его дома отдохнуть, велел выйти только на застолье, когда всё будет готово. Кто бы мог подумать, что всё так обернётся — за этой свадьбой, словно снежный ком, покатались одни несчастья. Когда Юй Шанчжи истёк кровью, Вэнь Ецай испугался, что тот может передать болезнь младшему брату, и потому не решался подпустить Вэнь-санъя к новобрачному.

Когда мальчик наконец пришёл, Юй Шанчжи сразу начал диктовать рецепт, а Вэнь-санъя аккуратно записывал. После окончания оба сверили написанное, удостоверились, что нет ни ошибок, ни пропусков.

Уже собираясь уходить, Вэнь-санъя был остановлен Юй Шанчжи — тот захотел проверить у него пульс. Было странно: сам лежит как больной, а вдруг решил лечить других?

Вэнь Ецай сперва хотел его остановить, но, видя, с какой решимостью тот настаивает, только вздохнул и пошёл искать лекарственный ящик. С утра, отправляясь на церемонию, Юй Шанчжи захватил с собой только узел с вещами и небольшую аптечку.

Скоро Вэнь Ецай внёс ее в комнату, достал изнутри подушечку для пульсовой диагностики и положил её у края кровати. Затем принёс низенькую табуретку и усадил Вэнь-санъя. Сам остался рядом — ждал, что скажет новобрачный, но в глубине души хотел понять: а есть ли у этого «молодого лекаря» настоящий талант?

Прошло не так уж много времени, как Юй Шанчжи убрал руку и, не колеблясь, начал говорить. Всё, что он описывал, совпадало почти до мелочей:

— У санъя врождённая форма астмы с кашлем. При нагрузке дыхание сбивается, особенно тяжело ему по ночам — не может лежать ровно, из-за чего плохо спит. Вялость, отсутствие аппетита, в горле почти всегда слышно хрипение от слизи — жидкой и прозрачной. Весной и летом ему чуть полегче, осенью и зимой всё обостряется. Но даже летом руки и ноги у него холодные, а зимой, несмотря на мороз, он весь в ночном поту...

Когда он договорил, слегка приподнял лицо. В его глазах не было ни фокуса, ни взгляда — он ничего не видел. Но, несмотря на слепоту, именно в этот момент от него повеяло такой сосредоточенной силой, что ни у кого не осталось и тени сомнения — перед ними настоящий врач.

— Я правильно описал? — спокойно спросил Юй Шанчжи.

Три головы — старшего брата и младших брата с сестрой — дружно кивнули. Кивали, не переставая, пока не сообразили: он же не видит!

Но, казалось, Юй Шанчжи и так знал, что угадал, — по уверенности в голосе это было ясно безо всякой реакции. Затем, выслушав, как Вэнь-санъя перечитал прежний рецепт, Юй Шанчжи тут же выписал новый и посоветовал сменить лекарство:

— Не знаю, где вы раньше лечились и кто назначал это, — сказал он. — Но, как по мне, оно уже не подходит. Если я прав, вы даёте санъя этот отвар уже много лет. И поначалу он помогал, а в последние пару лет — почти никакого эффекта.

На этот раз Вэнь Ецай не стал тянуть — сразу кивнул, соглашаясь:

— Да, всё так.

Юй Шанчжи слабо вздохнул с облегчением — понял, что его советы не будут пропущены мимо ушей. Он говорил уже с трудом: сил после всего, что произошло, почти не осталось.

Лёгкий кашель сотряс его грудь, затем глаза, хоть и незрячие, чуть прикрылись, голос стал тише, почти сонный:

— Если не хотите, чтобы здоровье санъя и дальше ухудшалось, с завтрашнего дня начните по новому рецепту...

Он не успел договорить — уснул, прямо на полуслове.

...

Вэнь Ецай тихо сжал губы, будто боялся спугнуть собственные мысли. Лицо у него стало

серьёзным — как у человека, что только что принял решение. Он аккуратно сложил рецепт в ровный четырёхугольник и бережно убрал за пазуху — в самый надёжный карман.

— Я ему верю, — твёрдо произнёс он. — Завтра с утра пойду в город, продам ту косулю, что на днях подстрелил. А потом — сразу в аптеку за лекарствами.

Вэнь-эрню хоть и ещё ребёнок, но уже со своим характером и твёрдым мнением. Однако, если старший брат что-то решил — спорить не станет, и слова поперёк не скажет. Вэнь-санъя тоже кивнул, послушно, по-детски. Он подпер худенькими ручками щёки, а его непропорционально большие из-за болезненной худобы глаза слегка моргнули — глядя с доверием и надеждой.

Глядя на этих двоих — одного большего, другого совсем крошечного — сердце Вэнь Ецай невольно потеплело. Он протянул руки и взъерошил обоим волосы.

Он ведь — гер, глава в их семье, и вкалывает не для себя. Всё, что он делает, — чтобы брат с сестрой, осиротевшие с малых лет, могли жить чуть легче, чтобы не глотали столько горя, сколько выпало ему.

В доме всё ещё оставался бардак после сегодняшней свадебной «комедии». Сначала он притащил Юй Шанчжи домой, потом бегал за лекарем. А тем временем у воловьей повозки, что привезла жениха, началась новая сцена: сваха с возницей сцепились не на шутку. Особенно усердствовал возчик — стал требовать доплату, мол, повозка испачкана, того и гляди сломается. А потом и вовсе затребовал компенсацию серебром.

Вэнь Ецай едва не врезал ему по лицу.

Хорошо, что у него дома жили две крупные охотничьи собаки. Завидев, как те ринулись вперёд, два проходимца, не сговариваясь, пустились наутёк. Псы прогнали их почти на два ли — вряд ли те осмелятся вернуться.

Пара соседей — добрых деревенских людей — помогли вернуть арендованные столы, стулья и посуду. Но в кухне ещё оставались горы еды, оставшейся после пира. Вэнь Ецай аккуратно выбрал оттуда столько, сколько их семья сможет съесть в ближайшие два дня, а всё остальное сложил в огромный таз, перемешал с ломтями остывших кукурузных лепёшек и понёс на двор — покормить псов.

Жара наступала быстро. Если оставить еду дольше — испортится, будет жалко.

Два пса, Даван и Эрван, получив еду, мгновенно вцепились в свои тазы и жадно начали есть. А Вэнь Ецай взял метлу, прислонённую к стене, и молча принялся подметать двор.

Провозившись какое-то время, Вэнь Ецай наконец остановился, выпрямляя спину, которая заныла от усталости. В лицо подул лёгкий ночной ветер — прохладный, свежий. И вдруг всё то,

что с утра копилось в душе беспорядком и тревогой, в эту минуту словно улеглось, утихло.

Он поднял голову. Высоко в небе звёзды тихо мерцали, рассыпанные по тёмному полотну ночи. Глядя на них, Вэнь Ецай неожиданно вспомнил глаза Юй Шанчжи — чёрные, как лакированные бусины. Пусть теперь в них не было света, всё равно они были прекрасны.

Он потянулся, глубоко вздохнул, выпустив из груди скопившуюся тяжесть.

За последние годы на его плечи словно возложили ярмо, не дающее дышать. Но теперь оно исчезло. Всё тело стало легче, движение свободнее. Он даже не сдержался — подпрыгнул на месте несколько раз, как ребёнок.

А в сердце у него крутилась только одна мысль:

У него теперь есть муж!

<http://bllate.org/book/13600/1205919>